

Глава 17. Ожесточенный спор в Зале наказаний. Часть 2

Обгоревшая плоть на половине тела Чэн Жуя уже затянулась, но он, словно нарочно, не стал избавляться от шрамов, хотя в мире культивации любая достойная пилюля могла бесследно стереть подобные отметины.

Огромные участки молодой и старой кожи переплелись в уродливый узор. Наслоения плоти, бугристые и испещренные багровыми полосами, напоминали лопнувшую корку перезрелого плода. Зрелище было настолько тошнотворным, что многие невольно отвели глаза.

По залу прокатился гул возмущения. Даже суровый и вечно недовольный Старейшина Цзюэ нахмурился, глядя на это безобразие.

«Решил разыграть эту карту?»

Линь Яньюй стоял на помосте, смиренно принимая на себя волны сомнения и неприязни, летевшие со всех сторон. Он заметил, как некоторые старейшины бросают на него недовольные взгляды. Не будь он сейчас «главным гением Пика Алхимии», кто-нибудь из вспыльчивых мастеров наверняка уже попытался бы его проучить.

Цинь Цзуйкуан в ярости сжал кулаки до белизны костяшек, побагровев от гнева. Если бы Линь Яньюй не бросил на него предостерегающий взгляд, парень наверняка бы сорвался.

Жэнь Циньби уже слышал иную версию событий от Мастера Даньхао, поэтому не спешил с выводами. Он посмотрел на Линь Яньюя и ровным голосом спросил:

— Тебе есть что сказать в свое оправдание?

Линь Яньюй сразу считал подтекст этого взгляда. Испытание. Этот судебный спор был для Жэнь Циньби способом оценить его. Чтобы стать главой секты, мало одного таланта — нужны острый ум, хитрость и умение держать удар.

Глава секты не знал лишь одного: Линь Яньюй вовсе не метил на его место, а потому и испытание это его не заботило.

Однако это не значило, что он позволит всякому мусору безнаказанно очернять его имя. Свою честность он отстоит сам!

Собравшись с мыслями, Линь Яньюй сделал шаг вперед.

— Ученику есть что сказать.

То ли сработал «нимб» главного героя, то ли уверенный тон подействовал, но стоило ему заговорить, как в зале воцарилась тишина.

— Глава секты, почтенные старейшины, братья и сестры... Истина прямо противоположна тому, что вы только что услышали.

— Семь дней назад я решил отправиться во внешнюю секту, чтобы найти себе подходящего служку. Но едва я переступил границы их земель, как столкнулся с группой учеников, моливших о помощи. Они рассказали, что братья Чэн Хун и Чэн Жуй явились к ним, чтобы отобрать скудное месячное жалованье, а тех, кто посмел сопротивляться, жестоко избивали. Мой нынешний служка, Цинь Цзуйкуан, как раз и был той самой жертвой, которую в тот момент истязали!

— Сперва я не поверил своим глазам. Я думал: братья Чэн — ученики внутренней секты, а Пик Меча — оплот нашей доблести и чести. Неужели их гордость настолько померкла, а они сами стали столь мелочны, что они, пренебрегая запретами секты, позарились на жалкие крохи внешних учеников?

— Я надеялся, что произошло какое-то недоразумение. Думал, может, этот ученик чем-то оскорбил братьев, отчего те и впали в ярость, решив прочить наглеца.

Линь Яньюй ловко применил тактику «отступления ради нападения», отвесив Пику Меча сомнительный комплимент. Ученики этой ветви тут же заметно успокоились.

Чэн Хун и Чэн Жуй, почувствовав подвох, побледнели и яростно уставились на него.

«Ха, думали, только вы умеете играть на публику?»

Линь Яньюй окинул их коротким взглядом и продолжил, напустив на себя вид глубокой скорби:

— Поначалу я не хотел вмешиваться. Не желал, чтобы братья сочли меня заносчивым выскочкой, который поучает их, пользуясь своим положением. Я боялся, что между Пиком Алхимии и Пиком Меча возникнет разлад из-за моей несдержанности. Я лишь хотел во всем разобраться.

— Но я и представить не мог, свидетелем какой мерзости стану! Увиденное повергло меня в истинный шок.

Любопытство толпы разгорелось с новой силой. Один из старейшин не выдержал:

— И что же произошло?

Чэн Хуну стало не по себе. Видя, что Старейшина Цзюэ молчит, он гневно выкрикнул:

— Линь Яньюй, время каждого здесь драгоценно! Хватит лить воду!

Линь Яньюй проигнорировал его выпад и продолжил:

— Я увидел, как Чэн Хун разгоняет свидетелей, а Чэн Жуй... он спустил штаны и собрался совершить акт... надругательства над потерявшим сознание учеником! Я и помыслить не мог, что в сердце брата Чэн Жуя таятся столь... специфические наклонности.

Стоявший в толпе Фан Дабинь тут же подыграл, издав вопль притворного ужаса:

— Ой-ой-ой! Чэн Жуй, а с виду такой приличный... Кто бы мог подумать, что ты любитель подобных дел?

О каких именно «делах» шла речь, уточнять не требовалось. Зал снова взорвался гулом, но теперь объектом всеобщего презрения стал Чэн Жуй.

Тот залился пунцовой краской и взревел:

— Линь Яньюй, не смей лгать и порочить меня своими гнусными инсинуациями!

Линь Яньюй холодно усмехнулся:

— В чем же здесь ложь? Разве Пик Меча — не сильнейшая ветвь нашей секты? Разве нет запрета на грабеж внешних учеников? Или я ошибся, и вы избивали его просто ради забавы, а не из-за «недопонимания»?

— Ты!..

Чэн Жуй хотел было что-то выкрикнуть, но Чэн Хун вовремя его остановил.

— Продолжай, Линь Яньюй. Посмотрим, какие еще сказки ты сочинишь!

Линь Яньюй охотно продолжил:

— Ошеломленный, я не знал, что и думать. В голове была лишь одна мысль: мы — братья одной секты, и я обязан остановить Чэн Жуя, не дать ему совершить непоправимое. Даже если он возненавидит меня до глубины души, я должен был пресечь этот порочный порыв!

— Но я никак не ожидал, что братья Чэн, слишком увлеченные своими изменными страстями, настолько растеряют бдительность и сноровку. Они даже не узнали мой божественный треножник, сжигающий небеса, и сами глупо бросились на него, получив тяжелые раны.

— Я искренне сожалел, что причинил им вред, и тут же перестал сопротивляться. В этот момент появился старший брат Цюань. Несмотря на их яростные обвинения, я не проронил ни слова в свое оправдание. Если Глава секты и старейшины сомневаются — они могут спросить брата Цюаня.

Закончив свою тираду, Линь Яньюй почувствовал легкое головокружение. «Ох, ну и вымотался же я». Интересно, из сотни прочитанных новелл и просмотренных драм он выжал достаточно пафоса?

Все посмотрели на Цюань Фушуя, стоявшего среди учеников. Помедлив мгновение, тот вышел вперед:

— Когда я прибыл на место, братья Чэн Хун и Чэн Жуй действительно лежали на земле с тяжелыми ранами. Младший брат Линь стоял в стороне, держа на спине раненого ученика Цинь. Брат Чэн Хун тут же начал объяснять ситуацию, а брат Линь и впрямь не сказал ни слова в ответ.

— Поскольку дело было серьезным, я предложил всем отправиться в Зал наказаний. Они согласились, после чего Линь Яньюй ушел с Цинь Цзуйкуаном, а я помог братьям Чэн добраться до Пика Меча для лечения.

Слова Цюань Фушуя, пользовавшегося в секте безупречной репутацией, заставили многих кивнуть в знак согласия.

В этот момент один из старейшин поднялся со своего места. Его голос, низкий и гулкий, заполнил зал:

— Вы оба привели свои доводы, и пока что это лишь слово против слова. Если у кого-то из вас есть свидетели или доказательства — предъявите их сейчас, чтобы мы могли отличить истину от лжи!

За спиной этого старца висели черные железные ножи, скрывавшие некое грозное оружие, от которого исходила аура запечатанной мощи. Его лицо, суровое и изрезанное морщинами, напоминало гранитный утес. Он смотрел с ледяным сиянием намерения меча, готового в любой миг пронзить пространство. Линь Яньюй едва выдерживал этот взор.

Мастер Даньхао небрежно взмахнул рукавом, рассеивая чужое давление, и рывкнул:

— Цзянь Хан! Ты ли это, старый пень, решил запугивать младшего своим намерением меча?

Глаза протри: это мой ученик! Или пилюли тебе больше не нужны?!

Линь Яньюй сразу понял: перед ним глава Пика Меча, Старейшина Цзянь Хан.

Тот недовольно нахмурился:

— Ну ладно, ладно, я просто хотел его испытать. Чего ты сразу кипятишься!

Бурча себе под нос, он плюхнулся обратно на стул.

Эта небольшая перепалка между старейшинами лишь подстегнула интерес учеников. И правда, чья же версия правдива?

Цинь Цзуйкуан шагнул вперед и выкрикнул:

— Я — свидетель! Чэн Хун и Чэн Жуй явились грабить нас, а когда я отказался платить, они начали меня избивать! Более того, внешние ученики для них уже давно стали...

Старейшина Цзюэ покачал головой, прерывая его:

— Теперь ты — служка Линь Яньюя. Твои показания не могут считаться беспристрастными.

Цинь Цзуйкуан мгновенно побледнел.

— Но...

Братья Чэн тут же перехватили инициативу:

— У нас есть свидетель! И этот свидетель никак не связан с нами личными интересами!

Старейшина Цзюэ кивнул:

— Пусть выйдет.

Толпа внизу расступилась, и на помост поднялся человек. Он низко поклонился присутствующим:

— Ученик, охраняющий стелу на «Десятисаженной лестнице», приветствует Главу секты и старейшин.

Линь Яньюй слегка вздрогнул. Как же он мог про него забыть? Кажется... дело принимает дурной оборот.

Страж стелы обменялся коротким взглядом с братьями Чэн и, словно по писаному, начал свой рассказ:

— В тот день я был на посту, когда увидел Линь Яньюя, направлявшегося во внешнюю секту. Мне это показалось странным, и я, следуя уставу, решил его расспросить. Линь Яньюй уклонился от ответа, но внезапно подошел ближе и начал задавать мне... крайне двусмысленные и непристойные вопросы. Я буквально покраснел от стыда!

«Покраснел от стыда? Да ты издеваешься! Это же ты тогда молот всю эту чушь!» — едва не вскричал про себя Линь.

А страж продолжал:

— Линь Яньюй сказал мне, что хоть он и культиватор, но не лишен земных страстей. Мол, иногда желания одолевают его, и ему нужно как-то «выпустить пар», чтобы излишний жар не мешал практике. Он спросил, нет ли во внешней секте кого-то «кроткого и беззащитного», кто не посмел бы сопротивляться, и предложил мне свести его с такими людьми.

Линь Яньюй почти рассмеялся от ярости. Этот подлец просто взял свои собственные слова и приписал их ему!

— Мерзавец! — Цинь Цзуйкуан не выдержал и рванулся к помосту, но Фан Дабинь вовремя вцепился в него мертвой хваткой.

— Разумеется, я отказался участвовать в подобном бесчестии! — гремел страж стелы. — Но Линь Яньюй, пользуясь своим превосходством в силе, внезапно напал на меня «в назидание». Я тут же потерял сознание от удара, и лишь позже братья по секте нашли меня и помогли добраться до целителей!

В завершение страж стелы пафосно провозгласил:

— Линь Яньюй — жестокий, порочный и развратный человек, тиранящий своих братьев! Умоляю Главу секты и старейшин сурово наказать этого злодея!

<http://bllate.org/book/17424/1657845>